

МОНРЕАЛЬ МОСКВА ЛОС-АНДЖЕЛЕС БАРСЕЛОНА
ЛИЛЛЕХАММЕР АТЛАНТА НАГАНО СИДНЕЙ СОЛТ-ЛЕЙК-СИТИ
АФИНЫ ТУРИН ПЕКИН ВАНКУВЕР ЛОНДОН СОЧИ
РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО ПХЕНЧХАН

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Очень личное

ДЛЯ ВСЕХ, КТО ХОЧЕТ УЗНАТЬ,
ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

ЕЛЕНА ВАЙЦЕХОВСКАЯ

Звезды спорта

Елена Вайцеховская

Олимпийские игры. Очень личное

«Издательство АСТ»

2018

УДК 796.032.2

ББК 75.4

Вайцеховская Е. С.

Олимпийские игры. Очень личное / Е. С. Вайцеховская —
«Издательство АСТ», 2018 — (Звезды спорта)

ISBN 978-5-17-109843-8

Эта книга не о результатах. Она о людях. О том, как тренировались, побеждали и проигрывали великие спортсмены. Павел Буре, Евгений Плющенко, Юлия Липницкая и Аделина Сотникова, Евгения Медведева и Алина Загитова, Светлана Хоркина и Елена Исинбаева, Александр Попов и Александр Карелин – лишь малая часть героев книги. Уникальный опыт Елены Вайцеховской – олимпийской чемпионки и спортивного журналиста – позволил показать Олимпийские игры изнутри, передать эмоции и рассказать настоящие человеческие истории. Для всех, кто хочет узнать, что такое настоящие Олимпийские игры.

УДК 796.032.2

ББК 75.4

ISBN 978-5-17-109843-8

© Вайцеховская Е. С., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	6
1976 год. Монреаль	7
Глава 1. В команде!	7
Глава 2. Общежитие олимпийского типа	10
Глава 3. Золото	12
Глава 4. Беглец	16
1980 год. Москва	19
Глава 1. Прости, если сможешь...	19
Глава 2. Тартан и колбаса	22
Глава 3. Команда его молодости	26
1984 год. Лос-Анджелес	33
Глава 1. Холодная война	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Вайцеховская

Олимпийские игры. Очень личное

© Елена Вайцеховская, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Предисловие

За все время своего существования человечество не придумало ничего более интересного, нежели Олимпийские игры...

Эти слова я впервые услышала от своего отца, еще когда училась в школе. После не раз думала: «А почему, собственно?» В конце концов, в кругу моих знакомых, да и отцовских тоже, было немало людей, которые вообще не интересовались спортом. Более того, не скрывали, что считают это занятие достаточно бессмысленным. Но почему тогда и они тоже прикипали к телевизорам, когда там раз в четыре года, а потом – в два начинали транслировать олимпийские баталии?

В одном из своих ранних репортажей я как-то написала:

«Придумать фразу „Главное – не победа, а участие“ мог лишь тот, кому никогда в жизни не светило стать олимпийским чемпионом. Эти слова принято приписывать основателю олимпийского движения французу Пьеру де Кубертену, хотя на самом деле ее впервые произнес архиепископ Кентерберийский во время торжественной мессы, посвященной Олимпийским играм 1908 года в Лондоне. Знали бы покойные барон и архиепископ, насколько далек от истины станет этот девиз уже к концу XX века, – ей-богу, оба перевернулись бы в своих гробах».

Главный редактор тогда долго хохотал, а потом совершенно серьезно спросил: «Ты на самом деле так считаешь?» И, получив утвердительный ответ, предложил: «Может быть, напишешь об этом подробнее?»

Об этом я пишу уже более трех десятков лет. Олимпиады – далеко не весь большой спорт. Скорее, верхний его срез. С совершенно непередаваемым напряжением, невероятного накала поединками, человеческими драмами. Иногда бывает очень тяжело смотреть на это со стороны. И тем более – об этом писать. Но до сих пор, оказываясь на Играх, я вспоминаю именно ту отцовскую фразу. И каждый раз заново прихожу к выводу, что человечество за все время своего существования действительно не придумало ничего более интересного.

Кто-то, возможно, не согласится. Взгляд журналиста вообще не может быть истиной в последней инстанции. Потому что он – всего лишь отдельно взятый человеческий взгляд на те или иные события. Иногда излишне пристрастный, возможно, не всегда объективный. Словом, какой есть.

Собственно, я и не претендовала на объективность, начиная писать эту книгу. Не ставила перед собой цель максимально полно изложить хронологию тех или иных Олимпиад. Эти воспоминания дороги тем, что за каждой отдельно взятой историей стоят очень близкие мне люди. Которым я безумно признательна за пережитые вместе мгновения успехов, неудач... За то, что их Олимпийские игры стали и моими тоже...

Елена Вайцеховская

1976 год. Монреаль

Глава 1. В команде!

Все началось с салата... Хотя нет. Наверное, все началось именно тогда, когда я окончательно поняла, что в олимпийскую сборную меня не возьмут ни при каком раскладе.

Это стало очевидным сразу после отборочного чемпионата страны, на котором я заняла пятое место. Вакансий в олимпийской команде было всего три, две из которых были закрыты сразу же – по итогам отбора. Официально нам объявили, что окончательное решение будет принято за месяц до Игр – после того, как пять или шесть кандидатов на оставшееся место выступят на контрольных соревнованиях. И я незамедлительно решила, что меня в этой команде тренеры не видят вообще.

Единственным моим плюсом на тот момент была самая сложная в мире произвольная программа, исполнять которую без ошибок получалось далеко не всегда.

Та программа и сложилась-то случайно. В начале 1974-го мой тренер Валентина Николаевна Дедова «натаскивала» меня на сложный, но отнюдь не уникальный прыжок – три с половиной оборота вперед. Накануне дня, когда мне предстояло впервые в жизни сделать его с десятиметровой вышки, мы с такими же, как я, охламонами из сборной ЦСКА всю ночь резались в карты на тренировочном сборе. Играли в «кинга», и за каждые десять потерянных очков проигравший выпивал стакан воды.

Игра затянулась до утра. Дежурный тренер по какой-то личной причине уехал в тот день ночевать домой, и контролировать «детей» оказалось просто некому. Вот так, после бессонной ночи, с двумя литрами булькающей в животе воды я потащилась в бассейн. И, пойдя на новый прыжок, раскрылась в воздухе «в потолок» – аккуратно после трех оборотов.

Как потом рассказывали те, кто был в бассейне, на воду меня положило с таким звуком, словно кто-то резким движением сломал сухую толстую доску. Сама я, естественно, этого не помню. Запомнилось как бы проступающее из мутного тумана перепуганное лицо тренера («Ты как?»), собственные слова («Не волнуйтесь, все нормально, я сейчас обязательно еще раз прыгну, вот только чуть-чуть в воде посижу...»), какой-то странный соленый привкус во рту и наплывающая со всех сторон чернота, которую пробивает чей-то истошный вопль: «Врача-а-а-а...»

В «цирковых» видах спорта есть неписанный закон: если трюк не получился, его нужно обязательно повторить еще раз. Немедленно. Иначе страх перед элементом остается навсегда. Я же вернулась в бассейн только два месяца спустя. И в глубине души точно знала, что на эти «три с полтиной» не пойду больше никогда.

Именно тогда Дедова предложила мне альтернативу в виде гораздо более сложного прыжка, который на тот момент исполнял один-единственный человек в мире. Вот только он был мужчиной...

Когда элемент удалось освоить и включить в программу, было даже любопытно наблюдать за реакцией окружающих. Коэффициент трудности в прыжках в воду – величина определяющая: на нее умножается средняя оценка, полученная за прыжок от судей. По тем временам максимальный коэффициент трудности отдельно взятых женских прыжков редко переваливал за 2,6. Поэтому цифры в моем стартовом протоколе (2,7–2,7–2,9–2,9) вызывали у окружающих шок. На первом взрослом чемпионате Европы к моей Валентине Николаевне даже подошла ее коллега – тренер из Чехословакии Мария Чермакова: «Валя, у твоей девочки ошибка в протоколе». Когда же Дедова объяснила, что никакой ошибки нет, Чермакова вытаращилась в недоумении: «Ты хочешь сказать, что она все это прыгает???»

За глаза чужие тренеры даже заключали пари, как скоро «эта сумасшедшая» убьется или загремит в психушку. У меня же просто не было иного выхода: другие спортсменки отличались более красивыми линиями в воздухе, большей растянутостью в суставах, изяществом телосложения, добиваться которого мне удавалось лишь жесточайшими голодовками, так что противопоставить всему этому можно было только сложность.

Но уповать на нее в 1976-м было бессмысленно. Никого не волновало, что перед отбором я пропустила три недели тренировок из-за воспаления легких (последствия того самого удара о воду) и не успела подготовиться. Поэтому я и начала заранее вбивать себе в голову, что ехать на Игры не хочу сама.

Закончилось это тем, что в один из дней Дедова позвонила моей маме – тренеру по плаванию в том же ЦСКА: «Маша, Ленка не хочет тренироваться. Я не знаю, что с ней делать...»

И, как ни крути, получается, что все началось с салата...

* * *

В тот день мы ждали гостей. На пятиметровой кухоньке нашей «хрущобы» все рабочие поверхности были заставлены какими-то мисками, в которых лежали нарезанные для «оливье» вареные овощи, что-то одновременно жарилось, запекалось в духовке, и я решила, что лучшего момента, чтобы поговорить с мамой о своих планах, мне просто не представится.

Как бы невзначай, укладывая в раковину грязную посуду, я начала прощупывать почву: – Знаешь, я не хочу продолжать тренироваться. Устала как собака. Может, лучше на море съездить? Бог с ним, с этим Монреалем...

Какое-то время мама молча продолжала раскладывать по тарелкам еду и наконец подозрительно тихо и спокойно сказала:

– Понимаю прекрасно. На море сейчас хорошо... Действительно, пусть в Монреаль другие едут. И тренеры пусть едут другие. Те, кто не возился с тобой столько лет, не тратил столько нервов. Ну, а что делать, если ты не хочешь на Олимпийские игры?

С этими словами она взяла в руки самую большую, свою любимую, доверху заполненную салатом фарфоровую миску и резким движением что есть силы швырнула ее об пол.

– Конечно же, ты устала, – не меняя ровного тона, продолжала мама, как бы между делом отгребая ногой в сторону осколки стекла и ошметки овощей. – Конечно же, тебе в голову не приходит, сколько на тебя потрачено государственных денег. Сколько раз тебя возили за границу – хотя бы для того, чтобы показать остальным, какая в команде есть замечательная девочка. Выдавали экипировку. Шли навстречу в школе, где у тебя было свободное посещение, освобождали от экзаменов. Ерунда, подумаешь... Ну, приедут в Монреаль без тебя, объяснят, что девочка... не захотела поехать на Олимпийские игры!

Вторая миска с салатом, на этот раз – хрустальная, разлетелась на куски прямо у моих ног. Я вжалась в стену, понимая, что следующая посуда неминуемо полетит мне в голову, и судорожно пробормотала: «Мама, не надо. Я все поняла...»

– Тогда носи тряпку и ставь варить картошку и яйца для салата. У нас еще сорок минут до прихода гостей, – буднично заключила мама.

Лишь год спустя я узнала, что на следующий день после той кухонной разборки маме снова позвонила Дедова: «Маша, что ты с ней сделала? Она землю роет...»

Контрольные соревнования я выиграла с отрывом от второго места в пятьдесят баллов...

* * *

В Монреаль Дедова не приехала. Как выяснилось позже, тем, кто был включен в команду «третьими номерами», личных тренеров не полагалось в принципе. Потом вопрос вроде бы

решился, поскольку у Дедовой должен был выступать на Играх еще один спортсмен – Слава Страхов, но когда Валентина Николаевна пошла относить документы в выездной отдел, то выяснилось, что все его сотрудники уже сами уехали в Канаду. И она осталась в Москве.

Когда я узнала об этом, со мной сделалась истерика. Плачущая, жалкая и бесконечно одинокая в своем горе, я поздним вечером поднялась на этаж к пловцам в Олимпийской деревне и продолжала скулить под отцовской дверью, не решаясь постучаться. Слишком привыкла, что все его время распланировано так, чтобы тратить его не на меня, а на пловцов, сборную которых он возглавлял.

Спустя какое-то время дверь распахнулась.

Выслушав мои причитания, отец, ничем не проявляя сочувствия, спокойно сказал:

– Вытри сопли. Теперь слушай. В Америке есть хорошая практика. Всех директоров крупных предприятий время от времени отправляют в длительные командировки или отпуск. И смотрят, насколько четко предприятие работает, оставшись без руководителя. Если начинаются проблемы, директора немедленно увольняют. Потому что грош цена тому начальнику, который не способен наладить работу так, чтобы она бесперебойно шла в его отсутствие. Поэтому твоя главная задача – доказать всем, что у тебя самый лучший тренер в мире. Ты все поняла?

Я поняла все. Все последующие дни в голове стучала лишь одна мысль: «Я должна доказать всем, что мой тренер – самый лучший в мире».

Парадоксально, но отец всего лишь раз в жизни видел, как я прыгаю в воду. В начале семидесятых он случайно заглянул на тренировку, которая закончилась крайне неудачно: на его глазах я довольно сильно ударилась о воду в одном из прыжков. Вид собственного ребенка, на котором, что называется, не было живого места, поскольку от удара вся передняя поверхность тела мгновенно превратилась в сплошной синяк, привел отца к разумному в общем-то желанию: никогда больше не видеть подобных кошмаров своими глазами.

В Монреале в день, а точнее, вечер моего финала он просто ушел в столовую. Набрал полный поднос еды, чтобы как-то отвлечься от мыслей, но не успел приступить к трапезе: дверь в общий зал распахнулась, и в проеме нарисовались два тренера из его команды.

– Михалыч, ты что, старый дурак, тут расселся? Твоя Ленка – олимпийская чемпионка!!!

По свидетельству очевидцев, отец вскочил на ноги, поднял поднос с едой над головой и что есть силы шарахнул его об пол с диким криком: «А-а-а...»

Внезапно он умолк, обвел тренеров сумасшедшим взглядом и в полной тишине замершего от неожиданного спектакля зала отчеканил:

– Если наврали, убью! Обоих! – и со всех ног помчался в бассейн.

Впрочем, я забегаю вперед...

Глава 2. Общежитие олимпийского типа

...Спустя много лет я напишу об Олимпийских играх: «Первые дни всегда сопровождаются всеобщим сумасшедшим возбуждением. Журналисты, обслуживающий персонал, прохожие на улицах, совершенно чужие друг другу люди знакомятся, обмениваются сувенирами, мнениями, визитными карточками. Эмоции хлещут через край: спокойный тон – редкость. Все гипертрофированно громко: разговор переходит в крик, смех – в гомерический, до истерики, хохот, шаг – в бег. Словно внутри у каждого до предела закручена тугая тонкая струна.

Опытные тренеры больше всего боятся именно этого: водоворот человеческих эмоций, где вслед за кульминацией всегда наступает апатия, не может не затронуть самих спортсменов. И крайне важно уметь ему противостоять. Потому что самая большая, за исключением травмы, беда, которая только может случиться на Играх с человеком, готовым на победу, на спортивном языке называется коротко: «Перегорел». Это может произойти за секунду до старта: вдруг чувствуешь, что вместо неудержимого желания выступать остается лишь одна гаденькая мысль: «Скорее бы все кончилось...»

В Монреале я, естественно, ничего этого не понимала. Повезло в том, что ни один человек в команде не относился ко мне всерьез. Единоличным лидером команды совершенно справедливо считалась Ира Калинина, которая к тому моменту была уже двукратной чемпионкой мира и ехала в Монреаль не просто участвовать, а выигрывать две золотые медали. На вышке и на трамплине.

В Олимпийской деревне мы все – и пловчихи и прыгуньи – жили в одной трехкомнатной квартире студенческого (в послеолимпийском проекте) общежития, где было лишь две двери: входная и та, что вела в умывальный блок. Написать, что жили дружно, было бы натяжкой. Не ссорились, но и почти не разговаривали между собой – у каждой хватало своих проблем, главная из которых сводилась к тому, чтобы банально выспаться. Пловцы начинали тренироваться в шесть утра, поэтому в восемь вечера уже расползались по кроватям. У нас же, поскольку соревноваться предстояло в очень позднее время, вторая тренировка заканчивалась в двенадцать ночи. Соответственно, и спали мы утром до полудня. И было чрезвычайно непросто, умываясь и принимая душ за фанерной стенкой в грохочущих под напором воды рукомойниках и поддонах из тонкой нержавейки, не будить тех, кто спит.

Еще одним тяжелым испытанием была столовая. Она работала круглосуточно и для спортсменов и тренеров, приехавших из неизбалованных изысками стран, являла собой апофеоз гастрономической мысли. Мясо, рыба, курица, приготовленные дюжиной различных способов, свежие и запеченные овощи, ягоды, орехи, обилие тортов, пирожных, муссов, салатов, копченостей, сыров...

Правда, от излишнего аппетита (и, как следствие, – веса) меня быстро вылечил отец. Случайно увидев, как я с вожделием накладываю на громадную тарелку третий слой снеди поверх двух, уже утрамбованных, он просто вывернул все блюдо целиком мне за шиворот. А когда я расплакалась от унижения, бросил традиционное: «Утри сопли. Ты за этим сюда приехала?»

Наверное, по-другому было просто нельзя. И мама, и отец посвятили спорту всю свою жизнь. Пробыться в сборную страны им не довелось, хотя ради Олимпийских игр оба, не задумываясь, пожертвовали бы чем угодно. И сам факт, что дочь имеет возможность выступить на Играх, но при этом не способна отказаться от каких-либо соблазнов, был для них абсурден.

Но понять это в восемнадцать лет я была не в состоянии. Поэтому, в очередной раз утерев слезы и вытряхнув из-под майки остатки торта, желе и мороженого, я просто решила, что сделаю все возможное, чтобы не попадаться родителю на глаза до самого конца Игр.

Это было несложно. Папа был полностью поглощен своей командой. Я же, предоставленная вне тренировок самой себе, немедленно вляпалась в новую авантюру.

* * *

Произошло это в загородном отеле, специально снятом руководством сборной для советской команды, чтобы каждый из спортсменов мог накануне старта отдохнуть и выспаться в человеческих условиях – комфортабельном одноместном номере. Помимо сауны, массажа и массы прочих восстановительных процедур, там было предусмотрено все для активного отдыха.

После ужина мне приспичило покататься на велосипеде. Владельцы отеля – молодая симпатичная пара канадских французов – долго пытались что-то объяснить на пальцах, затем подозвали четырехлетнюю дочь.

– Мама с папой говорят, что уже закрыли гараж. Но ты можешь поехать с нами на машине вокруг озера. Оно очень красивое. А потом мы привезем тебя обратно...

В отличие от своих родителей, девчужка бойко щебетала по-английски и всю дорогу развлекала меня, как могла.

– Тебя как зовут? А меня – Кэрол. Тебе нравится? А сейчас за поворотом будет мое любимое кафе. Там такое вкусное мороженое... Зелененькое, с орешками и изюмом. Ты обязательно должна его попробовать. А потом мы поедем к нам домой, и я подарю тебе свою любимую пластинку. Ма-ам, – Кэрол переключилась на французский язык, то и дело тыкая пальцем в мою сторону. Затем снова повернулась ко мне: – Мама сказала, что это хорошая идея...

Естественно, мы заехали и в кафе, и в гости, правда, там я уже всерьез задержалась по причине позднего времени, и супруги, отменив запланированное было совместное чаепитие, повезли меня обратно в отель.

На крыльце стояли врач, массажист и один из тренеров сборной по плаванию. Они внимательно наблюдали, как я вылезая из машины, прощаюсь с французами. Затем расступились, пропуская меня внутрь здания, и кто-то мрачно произнес мне в спину: «Спокойной ночи...»

День спустя начались соревнования у мужчин-прыгунов. Я увлеченно комментировала происходящее вслух перед телевизором, который был установлен в штабе делегации специально для спортсменов и тренеров, и в процессе этого занятия ко мне подсел симпатичный незнакомый человек.

– Вы так интересно рассказываете о прыжках в воду, Лена! У меня вопрос, кстати, в связи с этим. Давайте выйдем на балкон, чтобы не отвлекать остальных.

За дверью собеседник преобразился. От радушия не осталось никакого следа.

– Вчера вы покинули расположение команды и отсутствовали полтора часа. Меня интересуют имена, адрес, по которому вы находились все это время, содержание разговора...

Мои попытки объяснить, что никакого разговора не было и в помине, а переводчиком ничего не значащих фраз был четырехлетний ребенок, разозлили собеседника уже по-настоящему.

– Вы, кажется, не понимаете серьезности ситуации. Или намеренно не желаете ее понимать. Ну ничего, мы еще с вами встретимся и продолжим этот разговор. После соревнований...

Потом отец мне рассказал, что поздней ночью, пока я находилась за городом, его разбудил телефонным звонком тот самый тренер, который стал свидетелем моего «загула».

– Михалыч, если бы я видел это один, то не сказал бы никому. Но есть свидетели. Все равно доложат «наверх». Да и я в этой ситуации доложить обязан. Домой твою Ленку, естественно, никто отправлять не будет. Но после Игр она скорее всего станет «невъездной»...

Спустя три дня я стала чемпионкой. По поводу самовольной отлучки из команды больше не было задано ни одного вопроса.

Глава 3. Золото

Иногда я вспоминаю те Игры и думаю, что никогда не смогла бы их выиграть, если бы рядом был тренер. С Дедовой я могла позволить себе покапризничать, уговорить ее отложить наиболее сложные прыжки на другой раз. Здесь же у меня был детально расписанный по дням тренировочный план, нарушить который хотя бы в мелочах даже не приходило в голову. Плюс – совершенно осязаемая ответственность перед Валентиной Николаевной.

Каким образом я попала в финальную восьмерку, так и осталось непостижимой тайной. Вплоть до последнего прыжка шла на двенадцатом месте, но все-таки в итоге «ускрелась» на восьмое. А в финале все начиналось с нуля. И я ухитрилась завалить там самую первую попытку.

Это и спасло. Неудача напрочь выбила из головы всякие дурацкие мысли по поводу возможной медали. И все встало на места. Настолько, что после шести прыжков я оказалась на первом месте.

Остальные воспоминания остались очень рваными. Седьмая – предпоследняя – попытка тоже получилась удачной. Я продолжала опережать олимпийскую чемпионку Мюнхена Ульрику Кнапе на несколько баллов. В этот момент для тренеров, да и для меня тоже стала очевидной вся несуразность происходящего.

В прыжках в воду Кнапе была таким же символом, как великий итальянец Клаус Дибiasi. Она одинаково уверенно побеждала на трамплине и вышке, и опередить ее на соревнованиях считалось высшей доблестью для любой спортсменки мира. В Монреаль шведка ехала с одной-единственной целью: завершить свою спортивную карьеру золотой олимпийской медалью. Об этом знал весь прыжковый мир.

В том, что эта награда достанется ей, не сомневался никто. На Ульрику «работали» судьи, и это считалось нормальным: слишком много титулов было к тому времени у нее на счету. Никто, как тогда казалось, не должен был этой победе помешать, тем более что Ира Калинина – единственная, кто реально соперничал с Кнапе все предыдущие годы и выиграл у нее предыдущий чемпионат мира, – просто не выдержала ежедневных напоминаний о близком золоте. Перегорела...

На протяжении двух предыдущих лет по какой-то необъяснимой случайности складывалось так, что на всех крупных соревнованиях мне по жеребьевке выпадало выходить на вышку сразу после Кнапе. В сравнении с ней я постоянно чувствовала себя гадким утенком, тем более что шведку уже тогда судили лояльнее, чем остальных. Но Дедова однажды сказала:

– Когда-нибудь такая жеребьевка может оказаться тебе на руку. Когда ты прыгаешь сразу после Ульрики, ваши прыжки легко сравнивать. И если ты станешь прыгать не хуже, судьям будет тяжелее тебя «утопить».

В Монреале мне снова выпало прыгать следом за шведкой...

Ошибиться в заключительном прыжке я просто не могла. Он был самым уверенным и самым надежным. Потому и стоял в конце программы. Но, вытянувшись на краю вышки спиной к воде, я вдруг почувствовала, как у меня задрожали ноги. Мелькнула мысль: «Нужно скорее оттолкнуться. Иначе – упаду».

И, войдя во вращение по четко отработанной траектории, еще не коснувшись воды, поняла: первая!

Вынырнув из воды, я вдруг с ужасом осознала, что не вижу ничего вокруг: и бассейн, и трибуны, казалось, окутывал туман, в котором вспыхивали яркие точки, все поплыло куда-то в сторону. Захотелось лечь прямо на бортик и закрыть глаза...

Потом была пресс-конференция в небольшом зале, где какой-то странного вида запыхавшийся мужик неотрывно смотрел на меня, периодически снимая и протирая запотеваю-

щие очки. А когда вопросы журналистов иссякли, вдруг срывающимся голосом произнес: «Леночка, дочка...»

* * *

Двадцать девять лет спустя в Монреале на чемпионате мира-2005 по водным видам спорта я сделала интервью с Кнапе. Закончив выступать, она стала работать тренером, а в 1996-м впервые привезла на Олимпийские игры в Атланту свою четырнадцатилетнюю дочь Анну.

При встрече мы каждый раз мило улыбались друг другу, но разговаривали исключительно о детях. Словно никогда и не сражались друг с другом насмерть. Мне казалось, что рана, которую я нанесла Ульрике в 1976-м, не заживет никогда. Лишь мужу Кнапе, в прошлом прыгуну в воду той же самой шведской сборной Матсу Линдбергу, я как-то призналась, что писать о его дочери мне было гораздо приятнее, чем соревноваться с его женой.

Матс тогда грустно улыбнулся: «Знаешь, Ульрика ведь до сих пор очень часто вспоминает тебя».

В один из дней чемпионата я увидела Кнапе в бассейне. Она беседовала с молодой женщиной в форме шведской сборной и, заметив меня, тут же приветственно помахала рукой:

– Знакомься, Елена, – это Логга, врач нашей команды. А это, – Ульрика сделала паузу, словно размышляя, как получше представить меня собеседнице, – та самая особа, которой я проиграла в 1976-м. Не бойся, я не собираюсь перегрызть ей горло. В конце концов, – при этих словах Кнапе искренне рассмеялась, – двадцать девять лет назад мы обе сильно испортили обедню всей Канаде. Здесь, похоже, помнят об этом до сих пор...

В этом Кнапе была права. По пути в бассейн я долго отбивалась от вездливого канадского репортера, который неподдельно радовался тому, что нашел-таки «ту самую русскую», и не скрывал желания отыскать с моей помощью в бассейне «ту самую шведку».

Устроившись на трибуне, журналист с восторгом принялся щелкать затвором наведенной на нас с Кнапе камеры, мне же оставалось лишь продолжить начатый Ульрикой разговор. Тем более что все эти годы мне очень хотелось когда-нибудь поговорить с ней о тех, монреальских, Играх.

– Знаешь, я до сих пор помню, насколько виноватой чувствовала себя тогда в Монреале...

– Почему? – искренне удивилась Кнапе.

– Потому что тобой нельзя было не восхищаться. Тем, как ты прыгала, как по-королевски выглядела на снаряде. Не поверишь, до какой степени я жаждала у тебя выиграть. А когда это случилось, вдруг поняла, что мне отчаянно жалко, что именно я стала причиной твоих слез.

– Господи, и ты до сих пор вспоминаешь об этом?

– Ну да. Помню, как ты пришла на пресс-конференцию и сказала, что не говоришь по-английски – чтобы не общаться с репортерами.

– Надо же... А я этого совсем не помню. Как и сам финал. За день до него травмировала шею – неудачно вошла в воду на тренировке. Наши врачи были в панике, предложили сняться с соревнований, но я знала, что не имею права согласиться. Мне казалось, что никогда не прощу себе этого. Ведь еще до Олимпийских игр решила, что эти соревнования станут в моей карьере последними. Чемпионат мира в 1975 году я, если помнишь, проиграла и весь следующий сезон жила мыслью о том, что ничего важнее выступления в Монреале в моей жизни просто быть не может. И тут эта травма... Не спала всю ночь – никак не получалось пристроить голову на подушке. Прыгать было настолько больно, что, когда все закончилось, у меня вообще не осталось никаких чувств. Только облегчение от сознания, что все позади. И что никогда больше мне не придется лезть на вышку и снова прыгать вниз.

К тому же мы с Матсом встречались уже несколько лет, собирались создать семью, мечтали о детях. Если бы не это, я, возможно, переживала бы свой уход из спорта сильнее. А так

все случилось само собой. Просто началась совершенно другая жизнь. Родился сын, потом – Анна.

По нынешним меркам я ведь занималась прыжками в воду не так долго – всего двенадцать лет. Да и начала поздно. До тринадцатилетнего возраста плавала. Даже выиграла однажды серебряную медаль на чемпионате Швеции – на дистанции 200 метров баттерфляем. Может быть, так и осталась бы в плавании, но, видимо, с самого начала выбрала неправильный стиль. Плавать баттерфляем безумно тяжело. По сравнению с этим прыгать в воду было сущим развлечением.

– Понимаю. Сама сбежала из плавания в прыжки – и тоже довольно поздно. Первый раз залезла на 10 метров в двенадцать лет, а в шестнадцать уже выступала на чемпионате Европы.

– Это я помню хорошо... Я тогда еще подумала, что ты, наверное, совсем сумасшедшая, если вытворяешь такое на вышке. Мне тогда тренер так и сказала: если от кого и придется ждать неприятностей в ближайшем будущем, так это от тебя. Видишь, она оказалась права...

* * *

На следующий день после моей победы мы вдвоем с отцом поехали в центр города – покупать подарок Валентине Николаевне. У меня в кармане лежали пятьсот долларов – совершенно непомерные по тем временам деньги. Премия, полученная утром от руководства олимпийской команды за золотую медаль.

Отца сопровождал кто-то из журналистов. Меня представители прессы оставили в покое, посчитав, видимо, за абсолютную дурочку: на все их вопросы я хихикала и без остановки пожирала мороженое, вынуждая папу покупать его на каждом углу.

Да и о чем было рассказывать? О том, как перед финалом меня разыскала возле Олимпийской деревни мама, которая приехала в Монреаль в туристической группе? Как тренер она прекрасно понимала, что мне ни в коем случае нельзя позволить заснуть днем, чтобы не снизился тонус разбуженных первой тренировкой мышц, равно как нельзя и чересчур много думать о предстоящих соревнованиях. Мама тогда притащила к воротам деревни целую сумку каких-то купленных по дешевке на последние деньги маечек, цепочек, браслетиков, сережек, кукол... И я, обвешавшись этими цацками с ног до головы, с куклами в руках несколько часов прыгала в комнате перед зеркалом...

Или о том, как самозабвенно я хотела обыграть в финале Кнапе?

Наверное, можно было бы рассказать и о том, как уже в час ночи, стоя на узеньком, но высоком пьедестале, я отчаянно боялась оттуда сверзиться: награждение проводил какой-то крошечный, но очень напыщенный японец с эмблемой Международного олимпийского комитета на пиджаке, и чтобы он дотянулся с медалью до моей шеи, пришлось утыкаться головой в собственные коленки...

А потом заиграл гимн. И я поняла, что слезы от этих звуков текут по лицу сами. Просто текут – и все.

Строить из себя несмышлениша перед журналистом было гораздо проще. Но именно во время той прогулки, сидя задом наперед на спинке скамейки городского парка и болтая ногами в воздухе, я вдруг услышала слова отца:

– Она упрямая, своевольная... Но необыкновенно хороша, когда очень трудно и когда все вокруг складывается против нее. Это я говорю вам как тренер...

Большого комплимента мне не приходилось слышать от него за всю свою жизнь.

Когда журналист наконец оставил нас в покое и мы отыскали для Дедовой в ближайшей ювелирной лавке золотой медальон в виде канадского кленового листа с массивной цепочкой, я протянула оставшиеся деньги отцу:

– Купи себе кожаную куртку. Ты же давно об этом мечтаешь.

Он резко отвернулся и заплакал...

Глава 4. Беглец

За несколько дней до окончания Игр меня разыскал на олимпийской дискотеке капитан нашей команды Давид Амбарцумян. Бесцеремонно выдернул из толпы танцующих и потащил за собой. Я сопротивлялась:

– Давид, ну еще же рано... Ну мы же и так скоро уедем... Куда ты меня тащишь? Что случилось?

Он молчал.

– Да что происходит-то, черт возьми?

Никакой реакции не последовало. Спустя пять минут Амбарцумян втолкнул меня в комнату мужского блока Олимпийской деревни, которую занимали мальчишки из нашей команды. Лица у всех были такие, что в голову автоматически пришла лишь одна мысль: «Кто-то умер...»

Володя Алейник, отводя глаза в сторону, протянул мне большой картонный футляр из-под пластинки. На нем виднелись какие-то каракули.

– Почитай...

Я стала вчитываться в корявые слова. Там было что-то про дешевые джинсы и дефицитные пластинки, про то, что Канада – замечательная страна, и крупно, внизу текста: «Простите меня... Простите... Простите...»

Все еще ничего не понимая, я обвела взглядом парней.

– Серега сбежал. Совсем, – буднично произнес Амбарцумян. – Попросил политического убежища...

Через пару часов о событии наперебой трезвонили уже все канадские и американские радиостанции.

Историю подавали как красивую сказку. Мол, советский прыгун в воду Сергей Немцанов до такой степени воспылал любовью к дочери американского миллионера, что решил не возвращаться на родину и тайно исчез из расположения советской сборной.

На самом деле все было гораздо сложнее.

* * *

Сергей вырос в Алма-Ате без родителей. Воспитала его бабушка, и, кроме нее, у Немцанова не было ни одного близкого человека во всем мире. Сам он был невероятно добрым, честным и чрезвычайно ответственным парнем. Соответственно, и любили его все без исключения.

Так, как он тренировался, не умел работать ни один человек в нашей сборной. Да и в любой другой сборной тоже. Внешних данных у него было немного: маленький, белесый, совершенно не фигуристый мальчишка брал исключительно сложностью и стабильностью. Когда остальные спортсмены выполняли по сто прыжков за тренировочный день, Немцанов делал триста – четыреста. Приходил в бассейн даже в выходные: тянулся, качал мышцы, отрабатывал входы в воду...

В результате этой безумной пахоты Сергей начал выигрывать в рамках страны один турнир за другим, и почти всегда соревнования превращались в игру в одни ворота. С отрывом Немцанова от соперников в тридцать баллов, в сорок, в пятьдесят... Причем сам он не ошибался даже в мелочах. Вот и получилось, что в 1976-м его везли в Монреаль не просто фаворитом, но человеком, который обязан во что бы то ни стало взять олимпийское золото на десятиметровой вышке.

А он не попал в финал... Просто сгорел в ожидании своих первых в жизни крупных соревнований.

Сразу после утреннего выступления, когда Немцанов, скорчившись в пустой раздевалке как бездомная бродяжка, сотрясался в рыданиях, туда же ворвался один из руководителей олимпийской команды. Минут пятнадцать он безобразно орал, брызгал слюной и топал ногами. Потом процедил: «Ну, подожди, дай только в Москву вернуться... Мало тебе не покажется, сволочь!»

В тот же день руководство олимпийской команды приняло решение отправить Немцанова в Москву первым же бортом – при том, что вся команда прыгунов должна была прямо из Монреаля лететь на товарищескую матчевую встречу с американцами в США. Но к вечеру Сережки в деревне уже не было...

Девушка-миллионерша, которую наперебой поминали информационные агентства, тоже имела место. С ней Немцанов познакомился за год до Игр – во время традиционной серии турниров Can-Am-Mex в американском Форт-Лодердейле. Для него та заграничная поездка стала первой. Несмотря на то, что по-английски Сергей знал лишь несколько фраз, к концу недельного пребывания в США в него были по-матерински влюблены все женщины бассейна – от обслуживающего персонала до жен высокопоставленных чиновников Международной федерации и бесчисленных мамаш и бабушек американских спортсменов.

Как выяснилось позже, о существовании американки знали не только мы. В Монреале Немцанова «пасли». Об этом двадцать лет спустя мне рассказал бывший член Политбюро Александр Яковлев, который с 1973-го по 1985-й был советским послом в Канаде. По словам Яковлева, к Немцанову был приставлен персональный наблюдатель из олимпийской команды. Который его и прозевал.

Для КГБ это было грандиозным ЧП: ведь только в самом Монреале находились аж два генерала, не говоря уже о более мелких чинах. В каждой команде имелся специально прикрепленный к ней человек. Хватало и осведомителей.

Как рассказывал Яковлев, на каждого советского спортсмена в КГБ существовало досье с обширной информацией: пьет он или нет, как пьет, женат ли, как живет с женой, есть ли любовница. Поскольку присутствие такого количества сотрудников на Играх нужно было как-то оправдывать, да и вообще поездки, позволяющие прикупить барахла и лишний раз без присмотра выпить, ценились в КГБ на вес золота, каждый день возникала какая-то очередная «тема», вокруг которой сразу нагнетались страсти.

Иногда доходило до смешного: в один из дней пловцы по дороге в бассейн угодили в гущу какого-то митинга, где их одарили довольно симпатичными шариковыми ручками с эмблемой какой-то националистической организации. Приставленный к пловцам кагэбэшник тогда долго донимал тренеров: «Ребята, ну отдайте хотя бы одну... Мне же к отчету хоть что-то приложить надо...»

Ажиотаж вокруг моей самовольной предсоревновательной поездки на озеро тоже не был случайным: когда перед самым началом Игр выяснилось, что в Монреале по недосмотру «органов» находится вся наша семья за исключением моего двенадцатилетнего брата, сразу несколько высокопоставленных сотрудников «конторы» получили выговоры. Об этом (и тоже много лет спустя) мне рассказал отставной полковник КГБ, имевший самое прямое отношение к тем Играм. По его словам, в Москве ни на секунду не сомневались, что выезд на Олимпиаду спланирован нашим семейством исключительно с целью остаться в Канаде навсегда. И были крайне удивлены тем, что этого не произошло.

Американские спецслужбы тоже были заинтересованы в разного рода политических инцидентах – по характеру своей деятельности они немногим отличались от наших. Не думаю, правда, что побег Немцанова был спланирован ими заранее. Скорее, просто удалось использовать крайне удачный момент: Сергей был морально раздавлен поражением и жутко напуган перспективой грядущей кары. К тому же ему было всего семнадцать лет...

* * *

Его использовали как разменную карту. Какое-то время канадцы заявляли, что не намерены выдавать беглеца: мол, Немцанов, конечно, несовершеннолетний, но, поскольку родителей у него нет, он вправе самостоятельно принимать решения относительно собственной жизни. Однако чуть позже советская сторона выставила ультиматум: либо канадцы выдают Немцанова, либо сборная СССР по хоккею не приезжает осенью на Кубок Канады.

Формулировка тут же изменилась: мол, Канада, конечно, страна демократическая, никому в политическом убежище не отказывала, но, поскольку Немцанов – несовершеннолетний, оставить его в стране не представляется равным счетом никакой возможности...

Канадцам Сергей действительно был уже не нужен: скандал успели раскрутить на весь мир, но Игры закончились, и продолжать высасывать из этой истории новые подробности стало неинтересно. И две или три недели спустя Немцанова вернули домой. Советская сторона официально пообещала: никаких санкций к беглецу применено не будет. Мол, случилось – и случилось. Проехали...

А потом начался ад. Сергей по-прежнему много тренировался, ему по-прежнему не было равных на вышке, но даже там, где за прыжок можно было без колебаний ставить 10 баллов, он получал 6,5.

Официально Немцанову не возбранялось выезжать за границу на международные турниры, но всем было понятно, что при таком судействе «домашних» соревнований он никогда больше не попадет в сборную команду.

К тому же с ним не разговаривал ни один человек. Странились...

Несколько лет спустя все постепенно сгладилось. Но сам Сергей стал уже другим. Его нервы просто перестали держать напряжение крупных соревнований. И чем больше он рвался победить, тем хуже оказывался результат.

Последний раз мы виделись с ним в середине восьмидесятых. Я приехала в Алма-Ату комментировать соревнования по прыжкам в воду и, естественно, поинтересовалась у местных тренеров Сережиной судьбой. Отвечали расплывчато: вроде, работает на какой-то бензоколонке разнорабочим. Пьет...

В заключительный день Немцанов появился в бассейне, но даже не стал подниматься на трибуну – почти сразу уехал.

Еще несколькими годами позже я узнала, что его жизнь все-таки наладилась. Сергей женился, развелся, потом женился снова, и как будто удачно. Причем его вторая супруга не имела ни малейшего представления о том, что он когда-то был незаурядным спортсменом и выступал на Олимпийских играх...

1980 год. Москва

Глава 1. Прости, если сможешь...

Прыжок, на котором, по большому счету, закончилась моя спортивная карьера, я, наверное, буду помнить всю оставшуюся жизнь. Это было в Днепропетровске в 1978 году на контрольных соревнованиях по прыжкам с десятиметровой вышки за три недели до чемпионата мира в Западном Берлине. Соревнования ничего не решали (все документы и заявки на команду уже были посланы в Западный Берлин), прыжок был последний, и на абсолютно удачном входе в воду, мысленно отметив, что в очередной раз выиграла, я не успела нормально соединить руки. Их разорвало водой, и в тот же миг я почувствовала резкую боль в левом плече.

Три следующие недели я не могла прыгнуть вниз головой даже с бортика, рука не поднималась ни вперед, ни в сторону. С наступлением ночи плечо начинало дергать, как больной зуб, и я бродила по коридорам гостиницы, чтобы не будить соседок по номеру. Утром же, в бассейне, чувствовала на себе раздраженные взгляды начальства: заменить меня в команде было просто некем. За два дня до соревнований, уже в Западном Берлине, в мой гостиничный номер зашел начальник управления плавания Алексей Мурысев. «Тебя никто не может заставить выступить, – сказал он. – Но ты же сама понимаешь ситуацию...»

«Ситуация» заключалась в том, что главным в те годы было не столько стать первыми, сколько выиграть у сборной ГДР. За проигрыш всего лишь матчевой встречи главный тренер вполне мог лишиться работы. Да и слова из песни «Раньше думай о Родине, а потом – о себе» были не просто словами. Надо отдать должное спортивным руководителям тех времен: идеологически настроить на борьбу они умели превосходно. Стоит ли удивляться, что я согласилась выступить? И, наверное, поступила бы так и сейчас.

Выходя из комнаты, Мурысев сказал: «Не волнуйся, тебе сделают новокаиновую блокаду. Больно не будет».

Утром следующего дня я узнала от врача, что новокаин стоит в списке запрещенных препаратов.

Как я прыгала, не помню. Даже не помню боли. В открытом бассейне было страшно холодно – градусов тринадцать тепла. Несколько раз дождь сменялся градом, и соревнования останавливали. Перед заключительным, восьмым, прыжком я была второй. В этом прыжке я не ошибалась никогда, поэтому, собственно, он и был в моей программе последним. Но когда я уже встала в стойку спиной к воде, поднялась на носки и подняла руки вверх, начался жуткий ветер.

В таких случаях прыгуны обычно отходят в сторону, пережидая порыв. Мне кричали снизу, чтобы я отошла, но я не могла. Потому что настроила себя на восемь прыжков и понимала, что просто не смогу заставить себя поднять руки в девятый раз.

В итоговом протоколе мой результат остался шестым. На следующий день мой первый и единственный тренер – Валентина Николаевна Дедова, увидев у меня в руках новый купальник, безразлично спросила, зачем он мне. Не собираюсь же я продолжать прыгать? И так же буднично добавила, что если собираюсь, то делать мне это придется без ее помощи.

Спустя много лет я поняла, что Дедову терзали куда больше меня. Моя медаль была плановой, успеха требовали в первую очередь от тренера, и у Дедовой просто не выдержали нервы: неудача в Западном Берлине оказалась своего рода последней каплей. Наверное, надо было просто переждать, дать ей отдохнуть, прийти в себя. Но тогда, в бассейне, услышав тренерское: «Больше в тебя не верю», я поняла, что мой мир рухнул.

В Центральный институт травматологии и ортопедии – знаменитое столичное ЦИТО – я попала только месяца через три, твердо для себя решив, что буду продолжать прыгать. Потом не раз задавала себе вопрос: «Зачем?» Золотая олимпийская медаль у меня уже была, масса других тоже. Но тогда, честно говоря, я даже не представляла, что когда-то придется уйти из спорта. Потому что, кроме как прыгать в воду с десяти метров, я не умела ровным счетом ничего.

Диагноз был неприятным – деформирующий артроз. Как объяснили врачи, от того днепропетровского удара суставная сумка плеча разорвалась, жидкость вытекла, и кости стали тереться друг о друга. За три недели вынужденного отдыха в суставе отложились соли, и уже на чемпионате мира при каждом движении руки кости принимались стачивать друг друга, как два напильника. «Если бы ты попала к нам сразу после травмы, сейчас была бы в полном порядке, – сказала мне заведующая отделением Зоя Сергеевна Миронова. – А теперь... Травма-то уже застарелая. Подлечить мы тебя, естественно, подлечим, но, боюсь, прыгать будет все равно больно».

В ЦИТО я провела с небольшими перерывами больше трех месяцев. Самым жутким было ощущение своей собственной ненужности. Кто-то из тренеров сообщил: в Спорткомитете настаивают на том, чтобы передать мою спортивную стипендию другой спортсменке. Партийное руководство ЦСКА, за который я выступала, обнаружило, что в течение проведенного в клинике времени я не платила комсомольские взносы, и потребовало исключить меня из комсомола. Дело кончилось строгим выговором, но тем не менее я на год лишилась возможности выступать в соревнованиях – стала невыездной. А в 1980-м на отборочном – к Олимпийским играм – чемпионате страны оказалась только пятой: с первого прыжка трясло так, как никогда в жизни. Я попросту разучилась соревноваться...

* * *

Шанс попасть в олимпийскую сборную у меня все-таки оставался – по крайней мере, в это верила я сама. За месяц до Игр в Москве должны были пройти контрольные соревнования – такие же, как в 1976-м, победив в которых я, собственно, тогда и попала в сборную. Но в первый же день московского сбора меня вызвал на разговор главный тренер сборной Герд Александрович Буров. Мы всегда очень его любили и знали, что точно так же он любил всех нас, всегда находил слова поддержки и никогда не оставлял наедине со своими проблемами. Здесь же вдруг отвел глаза:

– У меня есть для тебя место в гостинице, но я могу дать его тебе при одном условии. Ты не будешь приходить в бассейн и не будешь тренироваться.

Я оцепенела.

– Но почему?

Буров присел рядом со мной на диванчик и по-отечески приобнял за плечи:

– Ты же умная девочка? Пойми меня правильно: в Москве не будет американцев. Кого бы я ни поставил в команду, это фактически гарантированное первое место. Ты наверняка уйдешь после Игр – тебе двадцать два. А девочки будут продолжать прыгать. И важно использовать эту возможность, чтобы у них появились титулы, появилось «имя». Если ты будешь продолжать тренироваться, они станут нервничать и не смогут нормально подготовиться. Ну так что, договорились?..

Чемпионкой на десятиметровой вышке стала немка – Мартина Яшке. Представлявшие СССР Сильвия Эмирзян и Лиана Цотадзе проиграли ей более двадцати баллов.

Меня все это уже не особенно интересовало. С тем, что я оказалась не слишком хороша, чтобы быть в команде, я давно смирилась и запретила себе об этом думать, на соревнования приходила с такой же, как у всех, аккредитацией участника Игр, поскольку была задействована

в церемонии открытия – принимала олимпийский флаг у монреальской стороны и передавала его московской. Гонять на машине по пустым улицам Москвы было сплошным удовольствием: город был пуст, а гаишникам и постовым милиционерам, несмотря на то что они стояли вдоль дорог чуть ли не круглосуточно, было настоятельно не рекомендовано останавливать кого-либо без слишком серьезной на то причины.

В последний день турнира в пустом подтрибунном коридоре «Олимпийского» я неожиданно столкнулась с Буровым. Он был выпивши – алкогольных напитков на прыжковом турнире имелось в избытке как в секретариате, так и в судебных комнатах. Поздоровавшись, я хотела пройти мимо, но тренер остановил, прижал к себе: «Прости меня за этот год. Если сможешь...»

Через три года его не стало. И я иногда до сих пор жалею о том, что так и не успела ему сказать: «Простила, Герд Саныч. Давно...»

Глава 2. Тартан и колбаса

Те Игры запомнились еще и тем, что вместе в ними в жизнь страны вошли доселе невиданные вещи. Сначала появилась колбаса. Хотя, наверное, все-таки нет, колбаса и всяческая мясная сырокопченая нарезка появились в магазинах позже, вместе с импортными сигаретами по полтора рубля за пачку. Это было дорого: пачка отечественной «Явы» стоила то ли тридцать, то ли сорок копеек, и это было лучшее из того, что имелось в отечественном табачном ассортименте. А тут – все что угодно. Вплоть до экзотических темно-коричневых узких и длинных More – сигарет, которые за необычную внешность тут же получили в народе название «негри-тянские». Но все это – и колбаса, и сигареты, и множество иных не виданных прежде продуктов – появилось после того, как Москву максимально освободили от людей и машин.

Каким образом «нежелательную» публику в виде проституток, алкоголиков и тунеядцев отправляли из города на сто первый километр, я не знаю. А вот ситуацию с машинами мне объяснил инспектор ГАИ, которому в декабре 1979-го я сдавала экзамен по автовождению. Катались мы с ним по Москве достаточно долго, но мне это было в удовольствие: водить машину меня учил отцовский тренер по пятиборью Петр Васильевич Поляков и муштровал так, что никакой московский гаишник априори не годился ему в подметки.

– Не думала, что в ГАИ до такой степени гоняют на экзаменах, – в какой-то момент вслух произнесла я, адресуя фразу своему экзаменатору, и услышала:

– Так время-то на дворе какое? Олимпиада через полгода. Вот нам и велено «сыпать» всех подряд. Повторный экзамен – уже только после Игр. И права у всех подряд отбираем за любое нарушение, даже совсем мелкое.

Права я тогда получила и, гоня в июле месяце по опустевшей Москве, понимала, что город «зачищен» капитально: в нем не было ни пробок, ни очередей.

В Олимпийской деревне и вовсе царил коммунизм. Шведский стол поражал обилием совершенно экзотических для советского человека продуктов. Для меня это была живая иллюстрация толстенной книги «Кулинария», выпущенной в 1956 году и подаренной моим родителям на свадьбу кем-то из состоятельных родственников со стороны отца: в качестве холодных и горячих блюд олимпийцам предлагались копченые угри и миноги, осетрина, крабы, запеченные поросята, икра... Первыми в деревню заселились представители какой-то из африканских стран и за пару дней до такой степени замордовали персонал ночными гулянками, шумом и кучами всевозможного мусора в номерах, что российскую команду, когда та наконец заехала, женщины-волонтеры встречали как родных, приберегая для них в столовой все самое свежее и самое деликатесное.

В деревне, куда меня периодически заносило проведать отца и заодно перекусить, чтобы не возиться дома с готовкой, я старалась не задерживаться: в окружении людей, думающих только о предстоящем старте, очень остро ощущался барьер между теми, кому предстояло стартовать, и «лишними».

Когда сам борешься за медаль, весь олимпийский праздник проходит мимо. В этом плане московская Олимпиада стала для меня первой возможностью увидеть спорт со стороны.

* * *

Хорошо помню, как проиграл Василий Алексеев. В небольшом, даже по тогдашним олимпийским меркам, комплексе «Измайлово» мое место было на балконе прямо напротив помоста. В том году Алексеев изолировал себя ото всех: готовился вне команды, не приезжал на сборы, нигде не выступал, пообещав руководству Спорткомитета, что подойдет к Играм во всеоружии. Двукратному олимпийскому чемпиону верили – титул самого сильного человека

планеты завораживал всех, кто так или иначе имел возможность пересекаться с легендарным штангистом.

Много лет спустя Алексеев расскажет, что на той Олимпиаде его просто отравили свои же тренеры, поэтому, мол, он и проиграл. Но тогда он вышел на помост после двух неудачных попыток, взялся за гриф, на мгновение поднял глаза, и камеры тут же взяли лицо крупным планом. В глазах штангиста была только усталость. Усталость и безразличие. Великий атлет проиграл свой шанс еще до того, как на табло зажглась третья «баранка» – и сам понимал это.

Вспоминая ту Олимпиаду, многие мои старшие коллеги, уже тогда работавшие в журналистике, бесконечно рассказывали в кулуарах истории о самых разнообразных приемах, помогавших советским спортсменам побеждать. Например, о том, как в Лужниках специально подготовленные волонтеры в нужный момент распахивали настежь противоположные ворота стадиона, чтобы сквозной поток воздуха подхватывал копье «своего» копьеметателя и уносил его за рекордную отметку.

Было ли это правдой? Не знаю. Знаю лишь то, что ради золотых медалей домашней Олимпиады все сборные пахали предыдущие четыре года, как проклятые.

Один из крупных спортивных руководителей тех времен Валерий Сысоев, который помимо отечественных должностей более десяти лет возглавлял Международную федерацию велоспорта, рассказывал, когда мы как-то затронули с ним тему московских Игр:

– Не думаю, что стоит относиться всерьез к байкам о каких-то особенных ухищрениях, которые на той Олимпиаде помогали нашим спортсменам выигрывать. Дело было, скорее, в другом. Поскольку важность успешного выступления понимали на всех уровнях, мы делали все возможное, чтобы обеспечить своим спортсменам наилучшие условия для тренировок, размещения, старались абсолютно во всем предоставить им соответствующий сервис. Закупали максимально лучшее на тот момент оборудование – те же велосипеды, раз уж у нас в стране не производилось машин требуемого качества. Подтягивали сопутствующие службы – ту же медицину, чтобы обеспечить людям максимально эффективную реабилитацию. Мне говорили потом: «А вот помните, на треке стояла кислородная палатка, в которую спортсмены заходили перед стартом и дышали кислородом?» Может быть, и стояла. Сам я эту палатку не видел, но совершенно не исключаю этого. Тем более что никаким существовавшим на тот момент правилам такие вещи не противоречили.

Наши гребцы – байдарочники и каноисты – готовились к той Олимпиаде под Рязанью. Один из тренеров объяснил, что их «наука» – а тогда к каждой сборной были прикреплены целые бригады всевозможных специалистов – обнаружила, изучая базу, что в этом месте совершенно другая плотность воды и другое течение. У нас ведь в те времена еще не было специальных гидроканалов для гребли, поэтому приходилось искать определенные природные условия, позволяющие выполнить ту или иную работу. Гребцы приезжали туда на сбор, потом выходили на свободную воду и... Есть такой термин – «гребется» или «не гребется». Так вот после тех тренировок под Рязанью нашим спортсменам «греблось» очень здорово.

Легкоатлеты уже тогда пользовались для реабилитации барокамерами, которые потом стали использоваться во многих видах спорта. Занимался этой темой один из известнейших на тот момент физиологов Анатолий Коробков, возглавлявший в 1960-х годах научно-исследовательский институт физкультуры. Не знаю, был ли он сам легкоатлетом, но много работал с этим видом спорта, потом стал профессором, написал множество работ по физиологии спорта. В определенной степени такие вещи тоже определяли уровень московской Олимпиады: в спортивной науке повсеместно работали люди, имеющие большой вес в ученом мире страны и признанные этим миром.

Наверное, этот факт тоже можно считать преимуществом, которое наша олимпийская команда имела перед всеми прочими...

* * *

Организаторам любых Олимпиад всегда было свойственно стремление сделать какие-то вещи «под себя» – под своих спортсменов. Примерно таким образом и проектировалась трасса групповой велосипедной гонки в Крылатском. Одним из самых активных участников того проекта был выдающийся в прошлом гонщик Виктор Капитонов, который в свое время дважды становился олимпийским чемпионом, а тогда возглавлял сборную СССР.

По своей структуре трасса была тяжелейшей. В одном ее месте был изгиб, который мог запросто сломать любую машину сопровождения. Понятное дело, что Капитонов планировал рельеф, исходя из потенциальных возможностей своих гонщиков и прежде всего – Сергея Сухорученкова, на которого в групповой гонке тренер собирался сделать главную ставку. Сухорученков был одним из сильнейших гонщиков в мире, поэтому важно было подобрать команду так, чтобы она, работая на лидера, могла на этой трассе выстроить свою тактику ведения борьбы. Командная гонка, к тому же, была главным событием первого дня. То есть, завоевывая медали, велосипедисты создавали настрой на соревнования всей советской команде.

Подготовку к Играм сопровождало множество анекдотичных историй. Для того чтобы положить в тренировочном легкоатлетическом комплексе столичного института физкультуры суперсовременное на тот момент тартановое покрытие, в Москву была выписана бригада шведских специалистов. Оттуда же был привезен сам тартан. В первый день работы у шведов украли все инструменты. Пока бригада неделю ждала доставки новых, по кускам был разворован весь тартан. Воровство приобретало феерические масштабы. Одного из бывших руководителей Центрального спортивного клуба армии спасли после тех Игр от суда лишь состояние здоровья и возраст. В списке украденного им за время подготовки к Играм фигурировали, помимо всего прочего, тринадцать с половиной километров финской ковровой дорожки.

Много лет спустя я делала интервью с тогдашним легендарным председателем Спорткомитета Сергеем Павловым, и он сказал:

– Одних только подарков Оргкомитет Игр-1980 получил тогда на сумму, исчисляемую миллионами долларов. Там были уникальные видеосистемы, фото-, киноаппаратура, машины... После Игр Оргкомитет прекратил свое существование, а вместе с ним перестали существовать и подарки. Куда они ушли? Я не знаю. Несмотря на то что был первым заместителем председателя Оргкомитета. Это тайна за семью печатями...

* * *

Одну из самых скандальных побед тех Игр я видела своими глазами – пошла за компанию с друзьями в бассейн смотреть мужской финал на трехметровом трамплине. Все шло к тому, что чемпионом станет Александр Портнов, но в седьмом прыжке он раскрылся в «горизонт» и почти плашмя лег на воду.

Не сказать, что для прыгунов в воду такое было большой редкостью: прыжки второго и третьего класса по тем временам мало у кого получались, были стопроцентно стабильными, и Портнов, как правило, валил на соревнованиях один из этих прыжков. Как раз это я объясняла своим знакомым, сидя вместе с ними на трибуне: мол, то, что первые шесть прыжков наш спортсмен исполнил безукоризненно, не говорит ровным счетом ни о чем. Потому что нужно пройти еще и седьмой раунд, а статистика удачных попаданий говорит вовсе не в пользу лидера.

Когда Портнов вынырнул, он зло ударил рукой по воде, всем своим видом демонстрируя, что Игры для него закончены. Встал под душ, поднял с кафеля мокрое полотенце, собираясь уйти в раздевалку...

И вдруг я увидела, как к судейскому столу кинулся один из наших тренеров и начал что-то горячо втолковывать рефери. Минутой позже тренер обернулся в сторону бассейна и замахал руками Портнову. Пока трибуны силились понять, что происходит, судья-информатор объявил: в связи с внешними помехами, помешавшими спортсмену сосредоточиться, ему предоставляется вторая попытка...

Подобная ситуация впоследствии произойдет в истории прыжков в воду лишь однажды – на Олимпиаде-2012 в Лондоне, где повторить неудавшийся прыжок разрешат англичанину Томасу Дейли, благодаря чему тот завоюет бронзовую медаль. Но в Москве это выглядело чудовищным попранием как правил, так и самой сути прыжков в воду, где всегда особенно ценилось умение прыгуна абстрагироваться от всего. Достаточно нелепым выглядело и последующее объяснение: мол, немецкая часть сидевшей на трибуне публики увидела сквозь стеклянную стену, разделявшую прыжковый и плавательный бассейны, как их спортсменка финиширует первой, слишком шумно отреагировала и тем самым помешала Портнову сконцентрироваться.

Сразу после финала протест на судейство подали сразу три страны: Мексика, лишившаяся золота, Италия, лишившаяся серебра, и ГДР, лишившаяся возможности подняться на пьедестал. Но это уже не возымело никаких последствий.

Мужской финал на трамплине плюс победа немки на десятиметровой вышке и стали, собственно, причиной того, что прыжки в воду на тех Играх мне не хотелось вспоминать в принципе. Сейчас же, когда я изредка возвращаюсь мыслями к домашней московской Олимпиаде, то всегда думаю о том, что, несмотря на блестящую организацию, несмотря на рекордные и более чем символические восемьдесят золотых медалей, завоеванные советской командой, и драму собственного неучастия в олимпийском турнире, эти Игры навсегда останутся для меня Играми моего отца Сергея Вайцеховского. В Москве его пловцы завоевали восемь золотых наград – подобного успеха отечественное плавание не знало ни до, ни после.

Глава 3. Команда его молодости

Самое яркое – из детства, граничащего с юностью, – крошечная пятиметровая кухня на прежней и тоже крошечной родительской квартире. Там всегда был народ, и всегда спорили – о плавании. Квартира располагалась на самом краю города, в пятнадцати минутах езды от аэропорта Шереметьево, поэтому на полу постоянно кто-то ночевал. Тренеры, спортсмены. Именно на этой кухне начиналось создание легендарной команды. Команды Вайцеховского.

Тогда еще продолжали плавать Галина Прозуменщикова, олимпийская чемпионка Токио, серебрянный и бронзовый призер Мехико и бронзовый Мюнхена, и вице-чемпион мюнхенских Игр Владимир Буре. Однако результат Олимпиады-72 был признан крайне неудовлетворительным, а главный тренер сборной Кирилл Инясевский снят с должности. Возглавить команду предложили моему отцу.

Я уже никогда не узнаю, почему он согласился. Кандидат наук с готовой к защите докторской диссертацией, только-только получивший кафедру в престижном центральном институте физкультуры, сам – бывший пятиборец, никогда в жизни не стоявший на бортике бассейна с секундомером. Уход с кафедры сорокадвухлетнего зава через пару месяцев после назначения коллеги-преподавателя сочли просто неприличным. А над первыми шагами отца в команде смеялись в открытую.

Вместо того чтобы созвать имевшихся в наличии спортсменов и тренеров на очередной сбор где-нибудь в Цахкадзоре или Адлере, отец набрал никому не известных молодых тренеров и вместе с ними уехал на месяц в Австралию. Учиться. Потом была поездка – тоже на месяц – в США. Потом отец принял крайне непопулярное решение, фактически отстранив от сборной всех ветеранов. И с фантастическим треском – с разрывом почти в сто очков – проиграл вместе с новой командой главный старт года, матчевую встречу СССР – ГДР.

С тех пор сохранилась фотография: команда у подножия памятника воину-освободителю в берлинском Трептов-парке, а на обороте – две строчки: «Мы проиграли, но мы победим!»

* * *

Много лет спустя, когда отца убрали из сборной и он почти собрался уехать работать тренером в Австрию, я спросила, откуда тогда, в 1973-м, у него была столь несокрушимая уверенность в победе.

– Понимаешь, – ответил он, – в последний день той матчевой встречи, когда мы проиграли все, что было можно, я уходил из бассейна и вдруг услышал плач на трибуне. Плакала Люба Русанова, которой врач из-за высокой температуры запретил выходить на старт. Я стал ее успокаивать, говоря, что в этой ситуации она ничем не может помочь команде. И услышал: «Я все понимаю. Но стыдно-то как!» У меня внутри все перевернулось. Я кричал, топал ногами, и там же, на трибуне, дал себе слово: пока не выиграю у сборной ГДР, не успокоюсь.

...Говорят, вернувшись из Берлина, отец, вызванный для объяснений в кабинет тогдашнего председателя спорткомитета Сергея Павлова, мрачно сказал: «Через пять лет я буду катать немцев ногами по полу и смеяться при этом идиотским смехом».

Почему Павлов ему поверил? На этот вопрос ответа не будет уже никогда. Но он поверил. Карт-бланш, полученный отцом от высшего спортивного руководства, дал возможность обеспечить тренерам все условия для работы. В Цахкадзоре, ставшем на несколько лет для пловцов вторым домом, и на подмосковном «Озере Круглом», помимо всех необходимых для тренировок условий, были преподаватели английского языка и инструкторы автовождения, кружки вязания, фотодела и игры на гитаре, свои массажисты и врачи, включая психолога, стоматолога и гинеколога. Частенько приезжали артисты. Савелий Крамаров, Владимир Высоцкий, Татьяна

и Сергей Никитины. «Ребята должны ехать на сбор с удовольствием. Значит, я должен создать для этого все условия», – говорил отец.

Один из визитов в Цахкадзор немецкой телевизионной группы чуть было не обернулся международным скандалом. Войдя в тренажерный зал, оператор остолбенел и... застрекотал камерой: через весь пол тянулась надпись масляной краской: «Твой главный враг – немец. Победи его!»

Через час информация была в немецком посольстве в Москве, через два – в Берлине, после чего последовал звонок в ЦК и уже оттуда – в Спорткомитет СССР. На следующее утро в Цахкадзор прилетел разбираться Павлов. Молча походил по залу, посмотрел на лужи пота под работающими на тренажерах девчонками, попытался даже лечь на освободившийся снаряд и потянуть на себя установленный вес, но не смог оторвать блок от пола. И, дождавшись, когда спортсмены уйдут в бассейн, подозвал отца: «Я абсолютно точно знал, как буду разговаривать с вами, пока летел в самолете. А сейчас не знаю, что сказать... Может быть, так и надо?»

В том же Цахкадзоре в одном из ставших традиционными КВН капитана сборной Андрея Крылова спросили: «Можете ли вы проиграть?» – «Можем, – последовал моментальный ответ. – Потому что мы можем все!»

* * *

Незадолго до московских Игр Сергей Фесенко, которому только предстояло стать олимпийским чемпионом, сказал мне об отце: «Он фантастически здорово умеет увлечь идеей и заставить поверить в ее реальность».

К 1976-му в сборной сформировалась постоянная группа специалистов. Игорь Кошкин, Генрих Яроцкий, Борис Зенов, Лидия Креер. Потом добавились Олег Цветов, Вера Смелова, Марина Амирова. Мне они казались слегка чокнутыми, как, впрочем, и отец. Если телефон начинал трезвонить в два часа ночи, это, скорее всего, был Зенов, желавший сообщить, что его бригада брассисток вместо высокогорного сбора во Франции (вылет – послезавтра, визы получены, билеты на руках) предпочла бы болгарский Бельмекен и желательно в те же сроки. Кошкин обычно звонил под утро, часиков в пять, изложить неизменно срочную идею («Михаыч, я тут подумал...»).

Великой идеей победы были одержимы все без исключения.

– Самым большим своим достижением я до сих пор считаю то, что сумел собрать в команде и объединить одной идеей не удобных людей, как делали многие мои предшественники, а по-настоящему сильных и интересных личностей, – сказал как-то отец. – Мне самому был, например, очень неудобен Яроцкий, но я шел на компромисс. Потому что не верил, что олимпийского чемпиона может подготовить любой тренер. Таким тренером надо родиться.

Великая Татьяна Тарасова, которую я как-то спросила о ее отце Анатолии Тарасове, сказала мне: мол, никогда толком не общалась с выдающимся родителем на тему тренерского искусства – так уж вышло, что все его время было предназначено не для семьи – для команды. Последние месяцы подготовки к Олимпийским играм-1976 в Монреале у моего собственного отца были распланы едва ли не по минутам. Но первые два дня Игр оказались для пловцов крайне неудачными.

Павлов в связи с этим ходил чернее тучи. Вызвав отца на очередную разборку, язвительно поинтересовался: «Ну и где ваши медали?» И услышал предельно спокойное: «Пока все, кто стартовал, проплыли с личными рекордами. Это значит, что мы угадали с пиком формы. А завтра... Завтра я лично приглашаю вас в бассейн!»

Назавтра, 21 июля, в финальном заплыве на 200 метров брассом Марина Кошечкина, Марина Юрченя и Любовь Русанова заняли весь пьедестал. Почти следом была мужская эстафета 4×200 метров вольным стилем, где советская четверка в составе Владимира Раскатова,

Андрея Богданова, Сергея Коплякова и Андрея Крылова заняла второе место, проиграв лишь рекорсменам мира – американцам. Потом этот день официально войдет в историю отечественного плавания как День команды. А там, в Монреале, уже совсем в ночи, после всех награждений, объятий и слез, Павлов вприпрыжку бежал от бассейна к Олимпийской деревне, ежеминутно останавливаясь, оборачиваясь в сторону запыхавшейся свиты и потрясая в воздухе кулаками: «А ведь вы не верили! Один я верил, что этот ненормальный сделает свое дело!»

Из тех же олимпийских времен – еще одна история: у пловцов выдался день отдыха, и команду решено было вывезти в пригород Монреала на гребную базу, чтобы хоть как-то ослабить нервное напряжение. Команда уже собралась в автобусе, когда отец увидел гуляющих по аллее Олимпийской деревни Александру Пахмутову и Николая Добронравова. Под каким-то предлогом уговорил их зайти внутрь, и как только звездная чета перешагнула порог, дал отмашку шоферу: «Закрывай! Погна-а-али!»

О той вылазке с пловцами Пахмутова с Добронравовым вспоминали потом еще много лет. Как пели по дороге все песни подряд, как устроили импровизированные соревнования на гребной базе, во время которых, к восторгу всей команды, отец перевернулся на байдарке, потерял очки и чуть не утонул на самом деле: слишком основательно зашнуровал перед стартом прикрепленные к днищу кроссовки.

Дружба с Алечкой и дядей Колей (так называли Пахмутову и Добронравова спортсмены) продолжалась и после. В 1980-м Александра Николаевна будет сидеть в «олимпийской» штаб-квартире сборной за кухонным столом, за неимением рояля отбивая пальцами ритм прямо на его крышке, и петь сложившуюся незадолго до тех Игр песню: «Тебе судьбу мою вершить, Тебе одной меня судить, Команда молодости нашей, Команда, без которой мне не жить...»

* * *

В 1978-м перед матчевой встречей СССР – ГДР в Ленинграде отец в очередной раз пришел к Павлову: «У меня к вам просьба. Мы хотим иметь собственное знамя – знамя сборной команды СССР по плаванию. Ребята должны чувствовать, что за ними – Родина. И что отступать некуда. А еще я хочу, чтобы это знамя вручили именно вы. Перед стартом».

– А если проиграете? – ошарашенно произнес министр.

– Тогда я стреляюсь! – последовал невозмутимый ответ.

Надо ли говорить, что согласие было получено?

За день до начала встречи в Питере отца вызвал в кабинет предельно расстроенный директор бассейна.

– Сергей Михайлович, звонили из немецкого консульства. Просят восемьсот билетов...

– Вы обалдели? – взорвался отец – В бассейне всего тысяча мест!

– Я все понимаю. Но из посольства уже позвонили и в обком. Мне же оттуда спустили приказ – обеспечить.

Словно в подтверждение, зазвонил телефон. Кто-то из секретарей обкома партии требовал Вайцеховского. Пару минут отец молча слушал невидимого собеседника. Потом неожиданно перебил: «Простите, вы сами – ленинградец? И родители тоже? Всю блокаду в городе пережили? Так вот я вас очень прошу и не сомневаюсь, что вы гораздо лучше меня сможете объяснить немецким товарищам, что, если они хотят диктовать нам свои условия, надо было город брать, а не блокаду устраивать!»

И, повесив трубку, подмигнул оцепеневшему директору: «Похоже, мы сошлись во мнениях».

Спустя пару дней сборная СССР впервые одержала победу над главным соперником. А чуть позже, на чемпионате мира в Западном Берлине, нанесла куда более ощутимый удар, завоевав четыре золотые награды против двух немецких.

Перед тем мировым первенством отец пошел на беспрецедентный шаг, устроив недельный разгрузочный сбор в Литве, где команде разрешили делать все, что взбредет в голову. Фесенко о том сборе рассказывал:

– Это ведь тоже был гениальный тренерский ход: после реально нечеловеческих нагрузок нам дали возможность полностью расслабиться и отвлечься от всего на свете. Представь себе: в лесу стоит огромный рубленый дом на двенадцать или тринадцать комнат, мальчики в одном крыле, девочки в другом – ага, как же...

Из тренеров – только главный. И врач. Лошадки пасутся, озеро под боком – делайте, что хотите. И мы просто оторвались – пошли вразнос. Но отдохнули так, как никогда. До сих пор, бывает, вспоминаем, глядя на фотографии: «А помнишь, ты ту кобылу в три часа ночи оседлал, а потом в лесу с нее свалился, и мы тебя всей командой искали?..»

Второй такой сбор был у нас перед московскими Играми – на Днестре. Домики, рыбалка, вкусная еда – и ни капли спиртного. Мы с ребятами решили переплыть речку и в ближайшей деревне купить самогона. Купили двадцатилитровый бидон. Но его ж еще перетащить обратно надо? Плыли полночи – как Чапаев через Урал: мы с Сашкой Федоровским одной рукой бидон за ручки держим, другой гребем, Серега Копляков сзади нас толкает. Еле выплыли с этим бидоном из течения...

– Это правда, что перед той Олимпиадой мой отец не разрешал тебе жениться? – спросила я тогда пловца.

Он засмеялся:

– Так он никому не разрешал. Была договоренность: до Олимпийских игр – никаких свадеб. А я тогда за месяц до Игр улетел из Киева на один день домой в Кривой Рог, потому что как раз в это время решалось, дадут мне однокомнатную квартиру или двухкомнатную. Для второго варианта нужен был штамп в паспорте. Вот я и улетел втихаря от всех – только мой личный тренер Вера Смелова об этом знала. Расписали нас с моей Ирой в четверг. Это был так называемый «день разводов» – браки по четвергам не регистрировали. Но мы как-то уговорили.

Со свадебного стола я тогда успел схватить только тарелку с салатом оливье. И прямо с ней уехал в аэропорт. А на Олимпиаде, когда уже выиграл золотую медаль, пошел к Вайцеховскому – каяться. Он грозно спрашивает: «Как ты посмел, солдат, жениться без ведома генерала?» А позади меня уже мой батя с ящиком шампанского стоит. В общем, я был прощен...

* * *

Началом краха тщательно отрегулированной системы стал, как мне кажется, не олимпийский и доселе невиданный триумф в Москве, а тот самый чемпионат мира в Западном Берлине. Внешне все было замечательно: созданный отцом механизм продолжал приносить стабильный медальный улов. Но пробиться в команду стало для молодых специалистов задачей практически невыполнимой. Сборная превратилась в автономный организм, почти полностью оторванный от реальных условий. Уверовав в собственную незаменимость, тренеры-звезды стали невольно расслабляться. У них по-прежнему было все – сборы в любой точке земного шара, новейшие немецкие и американские методики (отец прекрасно говорил по-английски и по-немецки), таланты на выбор.

В разбросанных по стране спортшколах росло недовольство. В Харькове, Днепропетровске, Ленинграде, Москве продолжали работать центры подготовки, вот только новичков там прежде всего стремились подогнать под уже имеющиеся и наработанные годами программы Сальникова, Крылова, Кошевой и Юрчени. Однако именно это привело к тому, что детские тренеры, до этого с удовольствием передававшие талантливых учеников мэтрам сборной, все чаще стали задумываться о том, что могли бы справиться с такой работой и сами. И результат

исчез. Игры в Москве лишь усилили эйфорию, хотя медали завоевывали одни и те же люди, которых можно было пересчитать по пальцам. За четыре года – с 1978-го по 1982-й – в бригадах знаменитых тренеров не появилось ни одного заметного таланта. Просто тогда об этом никто не думал: выступление на Играх в Москве стало триумфальным.

Отставка произошла в 1982-м – сразу после чемпионата мира в Гуаякиле. Сам отец много лет спустя сказал: «Понимаешь, я пожертвовал всем для того, чтобы советское плавание стало лучшим в мире. И мне почти удалось добиться этого. Но уже в восьмидесятом увидел, что это никого не интересует. Моим руководителям было достаточно и того, что мы три года подряд выигрываем у сборной ГДР. Когда я брал команду в катастрофическом состоянии (а именно так оно было оценено на коллегии Спорткомитета в 1973-м), то мог спокойно работать. Разрабатывал идеи, принимал решения, и мне никто не мешал. Когда же начали выигрывать, появилась масса людей, которые лучше меня знали, как именно нужно тренировать сборную. В мою работу постоянно вмешивались со стороны, давали советы, обвиняли в самоуверенности и нескромности. В моем же понимании высшая нескромность – это когда дилетанты начинают учить профессионала»...

С чужих слов до меня тогда дошла история: когда на одном из заседаний Спорткомитета отца в очередной раз упрекнули в нескромности, язвительно поинтересовавшись, так ли уж он незаменим на своем месте, он совершенно спокойно встал и сказал: «Вот с завтрашнего дня и проверьте».

И в гробовой тишине вышел из зала, хлопнув дверью.

По словам Фесенко, у команды тогда был шок.

– Отчасти мы понимали, что не выполнили задачу – не завоевали в Гуаякиле столько же медалей, сколько на Олимпийских играх в Москве, – говорил он. – Хотя на том чемпионате мира прорезалось немало новых людей. И Славка Семенов уже всю наступал Сальникову на пятки, и Марковский Лешка проплыл неплохо, и эстафета наша хорошо выступила, и мы с Сидором свое взяли... Помимо четырех золотых медалей, в Гуаякиле было выиграно семь серебряных и три бронзовые, но, видимо, то выступление было всего лишь поводом снять главного тренера.

Вайцеховский нас тогда собрал, это было в Питере перед матчевой встречей СССР – ГДР, в каком-то школьном классе... Мы рыдали. За партами сидела вся команда, и вся команда плакала навзрыд. А он... Он нас просто поблагодарил. За то, что все эти годы мы были рядом с ним, за то, что ему верили, выполняли все, что он предлагал...

Ты не представляешь, до какой степени все мы до сих пор благодарны Вайцеховскому, – говорил мне Сергей. – Ведь именно он нам открыл глаза на мир, занимался нашим воспитанием. Мы постоянно были чем-то заняты. Я ведь в сборной сначала закончил школу, потом институт, получил водительские права, диплом переводчика, научился фотографировать... Возможно, помнишь, как я приезжал к вам домой, когда уже закончил плавать? Совершенно не знал тогда, чем мне заняться, вот и приехал – за советом. Сергей Михайлович разложил мне все шаги, которые, с его точки зрения, следует сделать, чтобы защитить диссертацию. Посоветовал лучшего в Киеве научного руководителя – профессора Платонова.

В 2011-м на ветеранском первенстве Европы в Ялте я собрал всех ребят из той нашей команды. Не сумела приехать только Лина Качюшите, да еще отказался Сальников. Не знаю, почему он не захотел: я сам звонил, брал на себя все финансовые обязательства, но Вовка все равно ответил отказом. Мы устроили вечер памяти на двадцать четвертом этаже гостиницы «Ялта» в громадном кинозале. Смотрели старые пленки – Сашка Сидоренко нашел видеозаписи всех наших олимпийских заплывов. Танцевали всю ночь так, что молодые пришли снимать нас на видеокамеру. То, что мы до сих пор вместе, тоже ведь говорит о многом. И все это заложил в нас твой отец. Помимо того, что вывел нас в чемпионы. Не подумай, я говорю

сейчас все это совсем не для того, чтобы польстить. Из той нашей команды любой человек скажет тебе все то же самое...

* * *

По прошествии лет первым делом всегда вспоминается хорошее. Но мне всегда было интересно: как воспринимали отца те люди, по которым его эпоха если и не проехала паровым катком, то пнула достаточно ощутимо? Эту тему я как-то подняла в разговоре с двукратным чемпионом Европы и чемпионом московских Игр в эстафете Сергеем Русиним – его отец фактически вышвырнул из сборной, сказав: «Таких, как ты, у меня два финала».

– Ты не представляешь, как я его тогда ненавидел, – признался мне Русин. – А с возрастом понял, что Вайцеховский был прав. Та система подготовки, которую ввел Сергей Михайлович, была достаточно жесткая, тяжелая и с большими потерями на поле брани. Но она работала. И была, я бы сказал, очень «командной». Не только потому, что мы очень много времени проводили вместе на сборах, – просто твой отец умел создать вокруг себя настоящую команду единомышленников. Говорю это как человек, который сам успел поработать и тренером, и руководителем.

– А павшие на поле брани? Оно того стоило? – спросила я.

Сергей ответил:

– С моей точки зрения – да. Хотя я и сам в каком-то смысле стал жертвой. Не случайно до сих пор помню ту фразу – про два финала. Я заканчивал институт, уговаривал, чтобы меня оставили в команде хотя бы до лета. Не уговорил.

Я тогда много думал о личности главного тренера. Много позже понял, что опереться можно только на тех людей, кто не прогибается, а сопротивляется. Вот Вайцеховский таких и набрал, возглавив команду. А те, в свою очередь, набрали соответственных учеников. Не помню уже, какой был год, по-моему, 1981-й, когда у Игоря Михайловича Кошкина в группе плавало двенадцать человек, восемь из которых были медалистами Олимпийских игр, чемпионатов мира и Европы. Там были и Володя Шеметов, и Миша Горелик, и я, и Володя Сальников, и Витя Кузнецов, и Лариса Горчакова... Сам Кошкин был достаточно специфическим человеком. Он всегда был искренне убежден, что его решения – единственно правильные. Никогда ни с кем не конфликтовал, да и не умел, поскольку ему и в голову не приходило интересоваться чьей-то точкой зрения. А как можно конфликтовать с человеком, который стороннее мнение просто не воспринимает? Личностью Кошкин, безусловно, был сильной. Но не думаю, что в мире вообще существовал тренер, способный справиться с той нашей командой. Поэтому, собственно, группа вскоре и развалилась.

Это же, думаю, начало происходить и со сборной командой. В ней после Игр в Москве и восьми золотых медалей оказались исключительно тренеры-звезды или те, кто считал себя такими. И совладать с ними было сложно даже такому человеку, как Вайцеховский.

* * *

По-серьезному в клинч со своей командой отец вступил лишь однажды – на тех самых Играх в Москве. Тогда к нему заявила целая делегация – просить, чтобы в финале королевской эстафеты 4×200 метров на одном из этапов плыл не Сальников, а Русин.

Что значила для отца та эстафета, не так просто передать словами. Подозреваю, что именно он внедрил в обиход в нашей стране иное название этой дисциплины – «Гордость нации». Так долгое время называли эстафету 4×200 в США, о чем, собственно, и рассказал отцу его американский коллега в ходе первой плавательной поездки в США в 1973-м. Счита-

лось, что именно умение подготовить четверку пловцов-средневи́ков, способную выиграть у любой другой четверки в мире, в полной мере отражает мастерство тренеров.

Кроме красивого названия, отец привез из той поездки смешную громадную наклейку, рекламирующую плавательный лагерь известного американского тренера Джека Нельсона во Флориде. Наклеил ее на пузатый старенький холодильник, в связи с чем агрегат надолго получил прозвище «Джек».

Ради эстафеты 4×200 м Русина за год до Игр практически насильственно перевели в бригаду Генриха Яроцкого: его собственный тренер, Кошкин, был целиком и полностью сосредоточен на работе с Сальниковым, Яроцкий же отвечал за эстафету.

Пловцы во главе с капитаном, Андреем Крыловым, пришли просить за Сергея, потому что прекрасно понимали: он способен проплыть свой этап быстрее Сальникова. И гораздо в большей степени заслуживает права плыть не в утреннем, а в вечернем заплыве. Но дело было в том, что отец слишком хотел создать прецедент трех золотых медалей советского пловца на Олимпийских играх. Сальников к тому времени был чемпионом мира на дистанциях 400 и 1500 метров, то есть было ясно, что две свои личные дистанции он выиграет при любом раскладе. Особенно – если уже будет иметь золотую эстафетную медаль. А кроме того, отец просто очень любил этого пловца.

Поэтому, естественно, решение не обсуждалось.

* * *

Много лет спустя я – уже как журналист – разговаривала с Фесенко о московской Олимпиаде. Спросила, не становится ли ему обидно, когда медали, завоеванные в отсутствие американцев, называют неполноценными?

– Я слишком часто это слышу, чтобы обижаться, – ответил пловец. – Мы не поехали в 1984 году на Олимпиаду в Лос-Анджелес, и что? Кого-нибудь интересует, какие мы тогда делали объемы работы, чтобы выйти на те же результаты, что были у американцев? Что мы полностью выиграли у США предолимпийскую неделю в 1983-м – в очном соперничестве взяли те же восемь золотых медалей, что в Москве в 1980-м? В том же самом бассейне, где через год должна была проводиться Олимпиада и куда каждый день грузовиками завозили и прямо в воду выгружали лед, потому что было очень жарко, мы порвали всех. И Линка Качюшите, и я, и Роберт Жулпа... Правда, это было уже без Вайцеховского...

– Знаешь, – сказал Фесенко, когда мы уже заканчивали беседу, – я до сих пор корю себя за то, что не реализовал свою давнюю идею: собрать всех ребят из той нашей команды и совместными усилиями сделать памятник, где мы все стоим вместе. А Вайцеховский нас обнимает...

1984 год. Лос-Анджелес

Глава 1. Холодная война

8 мая 1984 года я ехала в московский бассейн «Чайка». Там – уже на открытой воде – готовились к Олимпийским играм прыгуны в воду сборной СССР, и мне предстояло сказать им, что в Лос-Анджелес они не поедут...

Я тогда внештатно работала на телевидении в спортивной редакции. Помогала разбирать новостные ленты информационных агентств, и как раз в тот день пришло сообщение, что Политбюро ЦК КПСС приняло решение не посылать сборную страны в США.

На самом деле решение было принято раньше. Но для всего мира СССР отказался от участия в лос-анджелесской Олимпиаде именно 8 мая. Именно тогда на заседании Национального олимпийского комитета СССР было оглашено соответствующее заявление. Западные средства массовой информации расценили это решение однозначно: как месть Советов за бойкот американцами московских Игр.

Зачем я понеслась в бассейн, не знаю. Наверное, потому что в той сборной было слишком много хорошо знакомых и дорогих мне людей. Со многими я выступала на соревнованиях и, наверное, лучше других понимала, каким ударом станет для них эта весть.

Так и получилось. Совсем юные девчонки Анжела Стасюлевич и Алла Лобанкина и совсем взрослые мужики Владимир Алейник и Давид Амбарцумян плакали на залитой солнцем трибуне, даже не пытаясь скрыть свое состояние.

Спустя пятнадцать лет мне в руки попали документы, по которым совершенно отчетливо прослеживались все события того лета.

* * *

В самом начале 1980-го, вскоре после того, как президент США Джимми Картер заявил, что Соединенные Штаты не пошлют делегацию в Москву в знак протеста против введения советских войск в Афганистан, в лозаннской штаб-квартире МОК состоялось экстренное совещание, в котором участвовали президенты Международных федераций и руководители оргкомитетов зимних и летних Игр. Вопрос стоял один: что делать? Мнения разделились: одни предлагали ввиду возникшей ситуации московскую Олимпиаду отменить, другие были за то, чтобы перенести Игры на более поздние сроки, третьи, хоть и выступали против советской агрессии, категорически не одобряли действия американцев. Одним из членов делегации Москвы был Марат Грамов, тогда – заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Очевидцы, присутствовавшие на заключительном фуршете, вспоминают, как Грамов, расположившись с тарелкой прямо на крышке стоявшего в углу зала черного рояля, мрачно сказал: «Ну, подождите. Пройдет московская Олимпиада, мы вам всем еще покажем!»...

За давностью лет историю эту вполне можно подвергнуть сомнению. Тем более что после московских Игр, престиж которых был значительно подорван отсутствием звездно-полосатой супердержавы, а вместе с ней и многих других стран, в подготовку советских сборных команд к Лос-Анджелесу вкладывались сумасшедшие средства. Эта подготовка находилась под постоянным контролем ЦК. На спорт высших достижений работали специальные лаборатории в восемнадцати государственных научно-исследовательских институтах, в числе которых были институт питания, медико-биологических проблем и даже институт радиоиммунных методов.

Задача была поставлена предельно четко: разорвать американцев в клочья на их собственной территории. И все шло именно к тому.

Ежегодное сопоставление сил в олимпийских видах спорта говорило о том, что СССР намного опережает своих постоянных соперников – сборные США и ГДР. Последняя сводка, подготовленная для кремлевских инстанций весной 1984 года, не была исключением: советские спортсмены реально претендовали на 64 золотые медали Лос-Анджелеса, в то время как американцы только на 35. Но идея отказа от Игр тем не менее носилась в воздухе. После того как в сентябре 1983 года советские ПВО сбили южнокорейский пассажирский самолет, советско-американские отношения накалились до предела.

Сразу после инцидента президент США Рональд Рейган, объявив о санкциях против СССР, заявил, что ни один самолет Аэрофлота отныне не сядет на американскую землю. По стечению обстоятельств именно в то время, когда решение президента было обнародовано, в воздухе на подлете к Америке находился лайнер Аэрофлота со сборной СССР по плаванию – она летела на тренировочный сбор в Санта-Клару. В аэропорту Кеннеди на спортсменов и тренеров обрушился шквал вопросов специально приехавших представителей прессы: «Как вы себя чувствуете в качестве пассажиров последнего советского самолета на американской земле?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.